

этика объективизма

мистицизм и самопожертвование

все мы эгоисты?

природа государства

жизнь без компромиссов

Айн Рэнд

ДОБРОДЕТЕЛЬ ЭГОИЗМА

EDITOR'S
CHOICE

Айн Рэнд
Натаниэль Бранден
Добродетель эгоизма
Серия «Книги Айн Рэнд»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6061685

*Добродетель эгоизма / Айн Рэнд; С добавлением статей Натаниэля
Брандена: Альпина Паблишерз; Москва; 2011
ISBN 978-5-9614-2030-2*

Аннотация

Айн Рэнд (1905–1982) – наша бывшая соотечественница, крупнейшая американская писательница, чьи книги оказали мощнейшее влияние на мировоззрение миллионов людей во всем мире, автор признанных бестселлеров – «Атлант расправил плечи», «Источник», «Гимн» и др.

Книга «Добродетель эгоизма» представляет собой сборник статей, написанных Айн Рэнд в разные годы и объединенных одной темой – защитой концепции «разумного эгоизма» как этической основы свободного капиталистического общества.

Автор на редкость живо и убедительно доказывает, что только в рамках системы, которая ставит во главу угла права личности и разум, люди могут свободно развиваться и обретать счастье, не оказываясь поработоченными диктаторами,

государством и другими людьми. А значит – только такую систему можно признать нравственной и соответствующей человеческой природе.

Содержание

Введение	7
1. Этика объективизма	17
2. Здоровый разум против мистицизма и самопожертвования	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Айн Рэнд, Натаниэль Бранден Добродетель эгоизма

Переводчики *Г. Зеленина, М. Кульнева, К. Щербино*

Редактор *Ю. Быстрова*

Руководитель проекта *Е. Гулитова*

Корректор *Е. Чудинова*

Компьютерная верстка *А. Абрамов*

Дизайн обложки *DesignDepot*

© Ayn Rand, 1961, 1964

© The Objectivist Newsletter Inc., 1962, 1963, 1964

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО
«Альпина», 2011

Издано при содействии Curtis Brown и Литературного
агентства «Синописис»

© Электронная версия книги подготовлена компанией
ЛитРес, 2013

Рэнд А.

Добродетель эгоизма / Айн Рэнд; С добавлением статей
Натаниэля Брандена; Пер. с англ. – М.: Альпина Пабlishерз,
2011.

ISBN 978-5-9614-2030-2

Все права защищены. Никакая часть электронного экземпляра этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Введение

Название этой книги может породить вопрос, который я уже как-то слышала:

«Почему вы используете слово "эгоизм" для обозначения положительных качеств характера, при том что оно вызывает неприятие у столь многих людей?»

Тем, кто задает такой вопрос, я могу ответить: «Потому, что это вас пугает».

Но есть и те, кто не будет задавать подобного вопроса, опасаясь подозрений в моральной трусости, но при этом не сможет самостоятельно сформулировать то, что имею в виду я, или точно определить важнейшую моральную проблему, о которой я говорю. Для них у меня подготовлен более развернутый ответ.

Проблема здесь не просто семантическая. Значение, которое придается слову «эгоизм» в обществе, не просто неточное: оно отражает страшный интеллектуальный «комплекс», который в гораздо большей степени, чем какой-либо одиночный фактор, несет ответственность за задержку морального развития человечества.

Обычно слово «эгоизм» используется людьми как синоним зла; оно связано с образом кровожадного дикаря, который готов для достижения собственных целей идти по трупам, не обращает внимания ни на кого другого и стремится

лишь к удовлетворению собственных низменных желаний.

Однако подлинное значение этого слова, которое можно найти в любом словаре, это: «*забота о своих собственных интересах*».

Это понятие не подразумевает моральной оценки; оно не дает нам указаний на то, хорошо или плохо заботиться о собственных интересах; точно так же, как не дает определения, в чем же конкретно эти интересы состоят. Ответить на эти вопросы должна этика.

Образ жестокого дикаря создан этикой альтруизма; это ответ, который заставляет человека принять два бесчеловечных принципа: 1) что забота о собственных интересах – это зло, вне зависимости от того, в чем именно эти интересы заключаются; и 2) что любая деятельность дикаря *по факту* является чем-то, что он делает исключительно ради своей пользы (которой альтруизм призывает человека жертвовать ради пользы ближнего).

Об истинной природе альтруизма, о его последствиях и невероятном искажении морали, к которому он приводит, вы можете узнать из книги «Атлант расправил плечи»¹ или из множества заголовков сегодняшних газет. Здесь же мы с вами рассмотрим *поражение* альтруизма в области этической теории.

Существует два моральных вопроса, которые альтруизм

¹ Рэнд А. Атлант расправил плечи: В 3 ч. – 6-е изд. – М.: Альпина Пабlishерз, 2011.

сплавляет в один комплекс: 1) Что такое ценности? и 2) В чью пользу они должны приниматься? Альтруизм заменяет первый вопрос вторым; таким образом, он уходит от задачи определения кодекса моральных ценностей и оставляет человека без морального руководства.

Альтруизм объявляет любое действие, предпринятое ради выгоды других, хорошим, а любое действие, выполненное ради своей собственной выгоды, – плохим. Таким образом, единственный критерий моральной ценности – это *кто именно* получает от действия пользу, и значит, пока действия человека полезны для кого угодно, кроме него самого, они должны считаться добром.

Отсюда отвратительное отсутствие морали, постоянная несправедливость, двойные стандарты, неразрешимые конфликты и противоречия, которые характерны для человеческих взаимоотношений и человеческих обществ на протяжении всей истории, при всех вариантах альтруистической этики.

Посмотрите, насколько недостойно выглядит то, что сегодня выдается за моральные суждения. Промышленник, заработавший себе состояние, и бандит, ограбивший банк, считаются одинаково аморальными, потому что оба стремились к богатству ради собственной «эгоистической» выгоды. Молодой человек, который отказался от карьеры, чтобы помогать родителям, и так и остался на всю жизнь кассиром в бакалейной лавке, считается более высокоморальным, чем тот,

кто в результате ожесточенной борьбы реализовал свои персональные амбиции в профессиональной деятельности. Диктатор может считаться добродетельным, поскольку страшные деяния, совершенные им, он совершал не ради себя самого, а ради «народа».

Какое же значение приобретает в человеческой жизни такой критерий морали? Первое, что осознает человек, это что нравственность – враг ему; он ничего от нее не получает, а лишь теряет; единственное, чего он может ожидать, – это потери и боль по собственной вине и серая, отупляющая завеса непонятных обязанностей. Он может надеяться на то, что другие время от времени будут жертвовать собой ради него, так же, как он скрепя сердце жертвовал собой ради них, но он понимает, что такие отношения несут с собой лишь взаимное отторжение, а не удовольствие, и что, с точки зрения нравственности, такое обретение ценностей похоже на обмен никому не нужными и нежеланными рождественскими подарками. За исключением этих моментов, когда он пытается совершить некие жертвенные акты, он не владеет никакими нравственными ценностями: мораль не имеет для него никакого значения и никак не может дать ему руководящую линию в сложных жизненных ситуациях; потому что это его собственная, личная, «эгоистическая» жизнь, и, как таковая, может быть рассмотрена исключительно как зло, или, в лучшем случае, как *аморальное* существование.

Так как природа не обеспечила человеку автоматический

механизм выживания и он должен сам заботиться о том, чтобы существовать, значит, если руководствоваться принципом, что забота о собственных интересах – это зло, то человеческое желание жить – тоже зло, и человеческая жизнь сама по себе – зло. Невозможно придумать более безнравственный принцип.

Но ведь именно в этом смысл альтруизма, который подразумевает приравнивание промышленника к бандиту. Но между человеком, который видит собственный интерес в производстве чего-либо, и тем, кто видит его в грабеже, огромная разница. Грех грабителя заключается *не* в том, что он преследует собственные интересы, а в том, *что* именно он считает этими интересами; *не* в самом факте руководства личными понятиями о ценностях, а в том, *каковы* эти ценности; *не* в том, что он хочет выжить, а в том, что он хочет существовать на недочеловеческом уровне (см. главу 1 «Этика объективизма»).

Если я подразумеваю под «эгоизмом» не то, что принято подразумевать под ним в обществе, тогда именно *это* можно считать одним из самых тяжких обвинений в адрес альтруизма: альтруизм *не предполагает существования* человека, обладающего самоуважением и самодостаточностью, – человека, который самостоятельно обеспечивает свое существование, не принося в жертву ни себя, ни других. Это означает, что альтруизм не видит в людях никого, кроме как жертвенных животных и тех, кто получает от этих жертв выгоду;

тех, кого используют, и тех, кто паразитирует на них, – что он не предполагает добровольного сосуществования людей, не предполагает идеи *справедливости*.

Если вы не знаете источника отвратительного сочетания цинизма и чувства вины, в котором протекает жизнь большинства людей, то я назову вам этот источник: цинизм происходит от того, что никто из них не пользуется и не принимает альтруистическую мораль; вина возникает потому, что они не решаются ее отвергнуть.

Чтобы восстать против столь разрушительного зла, нужно восстать против его основных принципов. Чтобы спасти и человека и мораль, нужно спасать концепцию «эгоизма».

Первый шаг на этом пути – утвердить *право человека на нравственное существование*, то есть признать, что ему необходим моральный кодекс, который бы направлял и наполнял его жизнь.

Краткий очерк природы и необходимости рациональной морали дан ниже в моей статье «Этика объективизма». Выяснив причины необходимости морального кодекса для человека, вы поймете, что главная задача морали – определить правильные ценности и интересы человека; что *забота о собственных интересах* – это сущность нравственного существования; и что *нравственные поступки должны приносить пользу самому человеку*.

Так как любые ценности должны быть достигнуты и/или сохранены людьми, то если человек не получает выгоды от

собственных действий, это не может считаться справедливым, поскольку означает, что кто-то жертвует собой ради другого, и нравственность приносится в жертву безнравственности. Оправдания этому нет и не было.

Выбор того, кому приносят пользу моральные ценности, – это предварительный или вступительный этап в решении моральных проблем. Он не может заменять собой саму мораль или служить критерием выбора моральных ценностей, как в альтруизме. В равной степени он не может служить и *источником* морали: он должен, наоборот, проистекать из морали и оцениваться фундаментальными положениями этической системы.

Согласно этике объективизма, получать пользу от собственных действий должен тот, кто их совершает, иными словами, человек должен действовать в собственных *разумных* интересах. Но его право на это происходит из его человеческой природы и из применения моральных ценностей в жизни, – таким образом, оно применимо *только* в контексте рационального, объективно ясного и законного кодекса моральных принципов, который определяет и ограничивает его личный интерес. Эгоизм не означает «делать все, что угодно» и не имеет отношения к созданному этикой альтруизма образу «эгоистичного» дикаря, равно как и к любому человеку, которым управляют иррациональные эмоции, чувства, побуждения, желания и прихоти.

Все, сказанное мною выше, это предупреждения тем

«нищезанемским эгоистам», которые на самом деле являются продуктами альтруистической морали и представляют собой другую сторону монеты альтруизма: это люди, которые считают, что любое действие, независимо от его сущности, должно считаться добром, если выполняется ради собственной выгоды. Точно так же, как *не может* быть критерием моральной ценности удовлетворение иррациональных желаний других людей, не может им быть и удовлетворение собственных иррациональных желаний. Мораль – это не соревнование прихотей. (См. статьи Натаниэля Брандена – глава 18 «Фальшивый индивидуализм» и глава 5 «Разве не все мы эгоисты?».)

Подобную ошибку совершает и тот, кто заявляет, что, поскольку человек должен судить обо всем самостоятельно и независимо, значит, все, что он делает, – морально, если *он* сам делает такой выбор. Но собственное независимое суждение человека является лишь *способом* выбора действия, но никак не моральным критерием для его оценки: только обращение ко внятному принципу может служить критерием оценки моральности такого выбора.

Точно так же, как человек не может выживать благодаря каким-то случайным действиям, но должен вырабатывать и применять определенные принципы, которые обеспечили бы ему выживание, так и его личные интересы не могут определяться слепыми желаниями или случайными прихотями, но должны быть раскрыты и достигнуты с помощью рации-

ональных принципов. Именно поэтому этика объективизма – это мораль *рациональных* личных интересов – или *рационального эгоизма*.

Поскольку эгоизм – это «забота о собственных интересах», то этика объективизма использует это понятие в его точном и чистейшем смысле. Это понятие не должно быть отдано на растерзание врагам рода человеческого, равно как и бездумному непониманию, искажениям, предубеждениям и страхам, свойственным невежественным и неразумным. Нападки на «эгоизм» – это нападки на человеческое достоинство; отказаться от одного – значит отказаться и от второго.

А теперь несколько слов о содержании этой книги. За исключением лекций, посвященных этике, она представляет собой собрание статей, впервые увидевших свет в *The Objectivist Newsletter*, ежемесячном журнале, редакторами и издателями которого являемся мы с Натаниэлем Бранденом. *The Objectivist Newsletter* занимается приложением философии объективизма к задачам и проблемам сегодняшней культуры, стремясь к «золотой середине» между философскими абстракциями и журналистской конкретикой. Его цель – предоставить читателям устойчивую философскую систему координат.

Этот сборник представляет собой не систематизированную дискуссию на этические темы, а просто серию статей о тех проблемах этики, которые нуждаются в прояснении в се-

годняшнем контексте, а также о тех, которые были в наибольшей степени искажены влиянием альтруизма. Вы можете заметить, что названия ряда статей представляют собой вопросы. Их источник – вопросы, присланные нашими читателями.

Айн Рэнд

Нью-Йорк, сентябрь 1964 г.

Р.С. Натаниэль Бранден более не имеет отношения ко мне, к моей философии и к *The Objectivist* (бывшему *The Objectivist Newsletter*).

Айн Рэнд, Нью-Йорк, ноябрь 1970 г.

1. Этика объективизма

Айн Рэнд

Так как я собираюсь говорить об этике объективизма, то начну со слов ее наиболее яркого адепта – Джона Голта, героя книги «Атлант расправил плечи»:

«В течение веков страданий и бедствий, вызванных вашим моральным кодексом, вы кричали, что ваш кодекс нарушается, страдания являются карой за его нарушение, люди слишком слабы и эгоистичны, чтобы проливать всю кровь, какой этот кодекс требует. Вы проклинали человека, существование, эту землю, но не смели усомниться в своем кодексе. Ваши жертвы принимали на себя вину и продолжали трудиться, вознаграждаемые вашими проклятиями за свое мученичество, а вы тем временем кричали, что ваш кодекс благороден, но человеческая природа недостаточно хороша, чтобы жить, следуя ему. И ни один из вас не поднялся и не спросил: "А кодекс хорош? По каким меркам?"

Вы хотели знать, кто такой Джон Голт. Я – тот человек, который задал этот вопрос. Да, сейчас век морального кризиса. Да, вы несете кару за свои пороки. Но сейчас перед судом стоит не человек, и вина будет возложена не на человеческую природу. На сей раз будет покончено с вашим моральным кодексом. Он

достиг своего зенита, тупика в конце пути. И если хотите жить дальше, вам нужно не возвращаться к морали – вы никогда не знали ее, – а открыть для себя мораль»².

Что такое нравственность, или этика? Это система ценностей, исходя из которой человек выбирает и действует, – этот выбор и эти действия определяют цель и течение его жизни. Этика как наука занимается раскрытием и конкретизацией этой системы.

Прежде чем пытаться уточнить, оценить или принять любую конкретную этическую систему, необходимо в первую очередь ответить на вопрос: *зачем* нужна человеку система ценностей?

Я подчеркиваю – первый вопрос, который необходимо задать, это не: какую конкретную систему ценностей должен принять человек, а: нужны ли вообще ценности человеку и зачем?

Является ли концепция *ценности*, «добра или зла», произвольным изобретением человечества, которое не имеет никакого отношения к любым фактам реальности, не происходит из них и не поддерживается ими, или она основана на *метафизическом* факте, на неизменном условии человеческого существования? (Я употребляю слово «метафизический» в смысле свойственный реальности, природе ве-

² Рэнд А. Атлант расправил плечи: В 3 ч. – 6-е изд. – М.: Альпина Пабlishерз, 2011. – Ч. III. – С. 355–356.

щей, бытию.) То, что действия человека должны направляться неким набором принципов, – это искусственная договоренность между людьми, существующая исключительно как часть традиции, или требование реальности? Относится ли этика к сфере *прихотей* – личных эмоций, общественных законов и мистических откровений, или к сфере *разума*? Этика – это субъективная роскошь или *объективная* необходимость?

В печальной истории этических систем – за редкими и неудачными исключениями – моралисты рассматривали этику как сферу произвольного, то есть иррационального. Некоторые из них провозглашали это открыто, другие лишь подразумевали. «Произвол», «прихоть» – это желание человека, который не понимает и не стремится понять его происхождение.

Никто из философов не дал рационального, объективно очевидного, научного ответа на вопрос, *зачем* человеку нужна система ценностей. Пока этот вопрос продолжает оставаться без ответа, найти и сформулировать рациональную, научную, *объективную* этическую систему невозможно. Величайший из философов, Аристотель, не рассматривал этику как точную науку; его этическая система была основана на наблюдениях за поступками благородных и мудрых мужей того времени, но он не дал ответа на вопрос, *почему* они ведут себя именно так, и *почему* он считает их благородными и мудрыми.

Большинство философов принимают существование этики как должное, как данность, как исторический факт, и не утруждают себя поиском ее метафизического истока или объективной оценки. Многие из них пытались разрушить традиционную монополию мистицизма в сфере этики, и, вероятно, сформулировать рациональную, научную, нерелигиозную систему морали. Но в итоге все они ограничивались лишь тем, что пытались дать этике *социальный* фундамент, просто заменив *Бога обществом*.

Убежденные мистики считали стандартом добра и критерием своих этических систем произвольную непостижимую «Божью волю». Неомистики заменили ее «общественной пользой», таким образом придя к замкнутому кругу определений типа: «Добро – это то, что полезно для общества». Это, по логике и в современной мировой практике, означает, что «общество» стоит выше любых этических принципов, так как *оно само* является источником, стандартом и критерием этики, поскольку «добро» – это все, что угодно *ему*, все, что *оно* решит считать собственным благополучием и пользой. Получается, что «общество» может делать все, что ему заблагорассудится, поскольку «добро» – это все, что оно решит предпринять, *потому* что это оно так решило. И, так как нет такой реальной сущности, как «общество», а общество – просто набор личностей, это означает, что *какие-то* люди (большинство или любая группа, которая объявит себя представителями общественной воли) имеют этическое

право добиваться всего, чего они захотят, а *остальные* люди будут этически обязаны тратить свою жизнь на обеспечение желаний этой группы.

Это вряд ли можно назвать разумным, однако сегодня большинство философов решили объявить разум несостоятельным, этику – лежащей за пределами его власти, что рациональной этики быть не может. Они утверждают, что человек в сфере этики – в выборе своих ценностей, действий, стремлений и жизненных целей – должен руководствоваться не разумом, а чем-то иным. Чем же? Верой, инстинктом, интуицией, откровением, чувством, вкусом, потребностью, желанием, *прихотью*. Сегодня, как и раньше, большинство философов согласны с тем, что конечный стандарт этики *произволен* (они называют это «произвольным требованием», «субъективным выбором» или «эмоциональной приверженностью»), и ломают копья только над тем, *чей* это должен быть произвол – самого человека, общества, диктатора или Бога. При всех разногласиях между ними современные моралисты согласны в одном: этика – это *субъективная* вещь, и из ее сферы следует полностью изгнать три понятия: разум, мысль и реальность.

Если вы не можете понять, почему мир спускается все ниже и ниже по кругам ада, *вот* вам причина.

Если вы хотите спасти цивилизацию, вы должны выступить против *этой* предпосылки современной этики – и всех исторически существовавших этических систем.

Чтобы выступить против основного положения любой дисциплины, начинать нужно с самого начала. В случае с этикой нужно начать с вопроса: что такое *ценности*? Зачем они нужны человеку?

«Ценность» – это то, что человек стремится обрести и/или сохранить. Концепция «ценности» не первична; она требует предварительно определить, для *кого* и ради *чего* эта ценность является таковой. Необходимо выявить сущность, которая будет определять действия для достижения цели при наличии альтернативы. Там, где нет альтернатив, не может быть целей и ценностей.

Прочитирую из речи Голта:

«Во Вселенной существует лишь одна непреложная альтернатива – существование или несуществование, она относится лишь к одной категории бытия – к живому организму. Существование неодушевленного вещества безусловно, существование жизни нет: оно зависит от определенного направления действий. Материю нельзя уничтожить, она меняет формы, но не перестает существовать. Лишь перед живым организмом стоит постоянная альтернатива: вопрос жизни или смерти. Жизнь – это процесс самоподдерживающего и самопорождающего действия. Если организм в своем действии не достигает цели, он умирает; его химические элементы сохраняются, но жизнь перестает существовать. Только концепция "жизнь" делает концепцию "ценность" возможной.

Только для живого организма существуют понятия "добро" и "зло"»³.

Чтобы полностью прояснить это, попробуйте представить бессмертного, неуничтожимого робота, сущность, которая движется и действует, но на которую ничто не может влиять, которая не может измениться, которой нельзя причинить ущерб, покалечить или разрушить ее. Такая сущность не может иметь никаких ценностей; ей нечего обретать и терять; для нее нет ничего, что было бы *за* или *против* нее, что служило или угрожало бы ее благополучию, что отвечало бы ее интересам или шло вразрез с ними. У нее не могло бы быть никаких интересов и никаких целей.

Только *живое* существо может иметь цели и создавать их. И только у живого организма есть способность к самостоятельным целенаправленным действиям. На *физиологическом уровне* функции всех живых организмов, от самых простых до самых сложных – от питания единственной клетки амебы до кровообращения у человека, – это действия, порожденные самим организмом, и ведущие к единственной цели: поддержанию *жизни* организма⁴.

³ Рэнд А. Атлант расправил плечи. – Ч. III.

⁴ Применительно к физиологическим явлениям, таким, как автоматические функции организма, термин «целенаправленный» не следует воспринимать в смысле «намеренный» (это понятие, применимое исключительно к деятельности сознания); он не подразумевает наличия какого-либо телеологического принципа, действующего в неодушевленной природе. В этом контексте я использую термин «целенаправленный» для обозначения того факта, что автоматическое

Жизнь организма зависит от двух факторов: энергетических веществ, которые должны поступать к нему из внешней среды, и деятельности своего собственного тела, которое должно *правильно* использовать эти вещества. По каким стандартам в данном случае определяется *правильность* использования? Единственный стандарт – это жизнедеятельность организма, или, иными словами, то, что необходимо для его выживания.

В данном случае у организма нет выбора: что именно необходимо ему для выживания, определено его *природой*, тем, *что* за существо он собой представляет. Для организма возможны различные варианты, различные формы приспособления к внешней среде, в том числе и возможность существования в течение некоторого времени в состоянии травмы, нарушения функций или болезни. Однако при этом основная альтернатива его существованию остается одной и той же: если организм не может выполнять основные функции, заложенные в него природой, – если протопласт клетки амебы прекращает усваивать питательные вещества, или если человеческое сердце перестает сокращаться, – он умирает. В фундаментальном смысле неподвижность – антитеза жизни. Жизнь возможна только при постоянном осуществлении самоподдерживающей деятельности. Цель этой деятельности, конечная *ценность*, для сохранения которой

функционирование живого организма – это такая деятельность, которая по своей природе *ведет* к сохранению жизни этого организма.

необходимо достигать ее в каждый момент действия, — это *жизнь* организма.

Конечная ценность — та высшая цель, для достижения которой все меньшие цели служат средствами, и на ее основании *оцениваются*. Жизнь организма — это *ценностный стандарт*: то, что способствует продолжению жизни, — *добро*, то что ей угрожает, — *зло*.

Без конечной цели не могут существовать никакие меньшие цели или средства: ряд действий, превращающийся в бесконечную прогрессию, уводящую в ничто, — это метафизическая и эпистемологическая невозможность. Существование ценностей возможно лишь при наличии конечной цели, *результата как такового*. Метафизически *жизнь* — это единственное явление, которое само по себе также и результат: ценность, обретаемая и сохраняемая в процессе постоянной непрерывной деятельности. Эпистемологически концепция «ценности» генетически опирается и выводится из предшествующей ей концепции «жизни». Говорить о «ценности» в отрыве от «жизни» — хуже, чем просто допускать противоречие в терминологии. «Понятие "ценность" существует лишь потому, что существует понятие "жизнь"».

В ответ тем философам, которые утверждают, что между конечными результатами или ценностями и фактами реальности не может быть установлено никакой связи, подчеркну, что существование и функционирование живых существ неизбежно влечет за собой существование ценностей и од-

ной абсолютной ценности, которой для любой живой сущности является ее собственная жизнь. Следовательно, проверка ценностных суждений должна опираться на факты реальности. Тот факт, что живая сущность *есть*, определяет, что она *должна* делать. И хватит, пожалуй, о связи между «*есть*» и «*должно*».

Теперь рассмотрим, каким образом человек открывает понятие «*ценности*»? Посредством чего он впервые постигает проблему «*добра и зла*» в простейшей форме? Посредством физических ощущений *удовольствия* и *боли*. Ощущения – первая ступень развития человеческого сознания как в сфере *познания*, так и в сфере *оценки*.

Способность испытывать удовольствие или боль дана человеку от рождения; это составляющая его *природы*, того типа сущности, которой он *является*. Эта способность не подвластна человеческому выбору, и человек не может сам установить стандарт, определяющий, что именно – удовольствие или боль – он будет испытывать при тех или иных условиях. Что же это за стандарт? *Его жизнь*.

Механизм удовольствия/боли в организме человека – как и в организмах всех живых организмов, обладающих сознанием, – служит охранной сигнализацией для его жизни. Физическое ощущение удовольствия – сигнал, показывающий, что деятельность организма осуществляется в *правильном* направлении. Физическое ощущение боли – предупреждающий об опасности сигнал, свидетельствующий о том, что

деятельность введется в *неверном* направлении — что-то мешает нормальному функционированию организма, следовательно, требуются какие-то действия для исправления положения. Лучше всего это можно проиллюстрировать примером редкого врожденного отклонения, когда ребенок рождается лишенным способности чувствовать физическую боль; обычно такие дети долго не живут, так как у них нет возможности определять, что может нанести им вред, нет предупредительного механизма, и малейший порез может привести к смертельной инфекции, а серьезная болезнь может оставаться не выявленной до тех пор, пока не станет уже поздно бороться с ней.

Сознание — для тех живых организмов, которые им обладают, — это основное средство выживания.

Более простые организмы, например, растения, могут выживать с помощью своих автоматических физиологических функций. Высшие организмы, такие как животные и человек, не могут: их потребности более сложны, и сфера их деятельности шире. Физиологические функции их тел автоматически способны только использовать энергетические вещества, но *получить* эти вещества автоматически из окружающего мира они не могут. Чтобы их получить, высшим организмам необходимо сознание. Растение получает пищу из почвы, в которой растет. Животное должно для этого охотиться. Человеку приходится ее производить.

У растения нет выбора, что делать; цели, которые оно пре-

следует, – автоматические и врожденные, определяемые его природой. Ценности, стремление к которым заложила в него природа, – это питательные вещества, вода и свет. Его жизнь – ценностный стандарт, управляющий его деятельностью. Условия окружающей среды, с которыми оно сталкивается в жизни, могут быть различны: например, жара или холод, наводнение или засуха, и растение обладает возможностью осуществлять разные действия для борьбы с неблагоприятными условиями: например, некоторые растения способны прорасти и выбираться из-под камня, чтобы оказаться на свету. Но при любых условиях в действиях растения нет выбора: оно действует автоматически, чтобы продолжать свое существование, оно не может действовать с целью собственного уничтожения.

Спектр действий, необходимых для выживания высшего организма, значительно шире: он пропорционален сфере контроля его *сознания*. Самые низшие из обладающих сознанием видов способны лишь *чувствовать*, и этого достаточно для того, чтобы направлять их деятельность и обеспечивать их потребности. Ощущения возникают в результате автоматической реакции органа чувства на внешние стимулы; их длительность ограничена длительностью действия стимула и не более того. Ощущения – это автоматический ответ, автоматическая форма знания, которого сознание не может ни искать, ни избегать. Действиями организма, обладающего лишь способностью чувствовать, управляет телесный ме-

ханизм удовольствия/боли, то есть автоматическое знание и автоматическая система ценностей. Ценностный стандарт, определяющий его действия, – его собственная жизнь. В пределах спектра возможных для него действий организм действует автоматически для продления своей жизни; он не может совершать действия, ведущие к его уничтожению.

Более высокоразвитые организмы обладают более мощной формой сознания: у них имеется способность *сохранять* ощущения, то есть способность к *восприятию*. «Восприятие» – это группа ощущений, автоматически сохраненных и интегрированных мозгом живого организма, благодаря чему он может улавливать не отдельные стимулы, а *сущности*, вещи. Животное руководствуется не просто непосредственными ощущениями, а интегрированной картиной *воспринимаемой* им реальности. Оно может осознавать объекты окружающей его перцептивной среды и формировать автоматические перцептивные связи, но не может пойти дальше. Оно может освоить определенные виды деятельности: так, родители у высших животных учат свое потомство охотиться или прятаться. Но животное не выбирает знания и умения, которыми оно овладевает; поколение за поколением повторяют одно и то же. Также у него нет выбора ценностного стандарта, направляющего его деятельность: его органы чувств обеспечивают ему *автоматическую* систему ценностей, автоматическое знание, что хорошо, а что плохо для него, что полезно для его жизни, а что опасно. Животное не обладает

возможностью расширять свои знания или отказываться от них. Попав в ситуацию, где его знания оказываются неприменимыми, оно погибает – как, например, животное, которое замирает на рельсах на пути мчащегося поезда. Но пока оно живет, оно действует сообразно своим знаниям, используя автоматический механизм безопасности и не имея выбора: животное не может отказаться от использования собственного сознания, оно не может принять решение *не* воспринимать, не может игнорировать то, что воспринимает, не может действовать против собственной пользы, не может выбрать действия себе во вред и стать собственным убийцей.

У человека нет автоматической системы выживания. У него нет автоматического набора действий, автоматической системы ценностей. Его чувства не говорят ему, что для него хорошо или плохо, что полезно для его жизни, а что опасно, какие цели он должен преследовать и что позволит ему их достичь, от каких *ценностей* зависит его жизнь, какая деятельность ему необходима. Найти ответы на все эти вопросы должно его собственное сознание – но его сознание не функционирует *автоматически*. Человек, самый высший организм на земле, чье сознание обладает безграничной способностью получать знания, – это единственная живая сущность, которая появляется на свет, не имея никаких гарантий того, что *останется* сознательным. Исключительное отличие человека от всех прочих форм живого – в том, что *его* сознание *произвольно*.

Автоматические ценности, управляющие функционированием растительного организма, достаточны для обеспечения его выживания, но недостаточны для выживания животного; точно так же автоматические ценности, существующие у животного за счет сенсорно-перцептивного механизма его сознания, достаточны для управления его жизнью, но недостаточны для человека. Деятельность и выживание человека требуют руководства *концептуальных* ценностей, порожденных *концептуальным* знанием. Но *концептуальное* знание нельзя обрести *автоматически*.

«Концепция», «идея» – это интеллектуальная интеграция двух или более образов восприятия, которые изолируются в процессе *абстрагирования* и объединяются с помощью характерного определения. Каждое слово человеческого языка, за исключением местоимений, обозначает *идею*, абстракцию, которая включает в себя неограниченное число конкретных объектов особого рода. Организуя свой перцептивный материал в идеи, а идеи – во все более и более общие идеи, человек способен улавливать и сохранять, определять и интегрировать в систему неограниченный объем знаний, которые простираются за пределы конкретного восприятия текущего момента. Органы чувств у человека работают автоматически; его мозг объединяет сенсорную информацию в образы автоматически; но процесс объединения образов в идеи – процесс абстрагирования и формирования концепций – происходит *не* автоматически.

Процесс формирования концепций состоит не только в усвоении нескольких простых абстракций, таких как «стул», «стол», «горячо», «холодно», и обучении речи. Он заключается в методе использования сознания, который лучше всего обозначить термином «концептуализация». Это не пассивное состояние сознания, регистрирующего случайные впечатления. Это активно поддерживаемый процесс идентификации впечатлений в концептуальных терминах, интеграции всех событий и всех наблюдений в концептуальный контекст, выявления отношений, различий, подобий в перцептивной информации и абстрагирование ее в новые идеи, построения выводов, выведения обобщений, принятия решений, постановки новых вопросов и поиска новых ответов и постоянного расширения пределов знания. Способность, управляющая этим процессом, функционирующая посредством идей, это *разум*. Сам процесс – это *мышление*.

Разум – это способность идентифицировать и интегрировать материал, поставляемый органами чувств. Этой способностью человек должен пользоваться *по собственному выбору*. Мышление – это не автоматический процесс. В любой час своей жизни, по поводу любой проблемы человек свободен мыслить или отказаться от этого усилия. Мышление требует состояния полного, сосредоточенного внимания. Сфокусировать на чем-то сознание можно только произвольно. Человек может направить свое мышление на полное, активное, целенаправленно сфокусированное понимание реально-

сти, а может распылить его и существовать в полусознательном тумане, реагируя лишь на случайные сиюминутные стимулы, отдавшись на милость ненаправленного сенсорно-перцептивного механизма и любых непредсказуемых ассоциативных связей, которые могут возникнуть при его использовании.

Когда человек распыляет свое мышление, можно сказать, что он сознателен в недочеловеческом смысле этого слова, так как у него имеются ощущения и восприятие. Но в том смысле, который применим только к человеку, – если рассматривать сознание как полное понимание реальности и способность взаимодействовать с ней, направлять деятельность человека и обеспечивать его выживание, – ненаправленное, распыленное мышление *нельзя* считать сознательным.

В психологическом смысле выбор «думать или не думать» – это выбор «фокусировать или не фокусировать свое мышление». В экзистенциальном смысле выбор «фокусировать или не фокусировать мышление» – это выбор «быть или не быть сознательным». В метафизическом смысле, выбор «быть или не быть сознательным» – это выбор между жизнью и смертью.

Сознание – для тех живых организмов, которые им обладают, – это основное средство выживания. Для человека основным средством выживания является *разум*. Человек не может выжить, подобно животным, с помощью одной лишь

способности к восприятию. Чувство голода сигнализирует ему о том, что ему необходима пища (если он научился определять это чувство как «голод»), но оно не скажет ему, как добыть пищу, как не скажет и о том, какая пища для него пригодна, а какая – ядовита. Без мышления человек не может обеспечить свои простейшие физиологические потребности. Чтобы узнать, как посадить и вырастить съедобные растения, или как изготовить оружие для охоты, ему необходимо мыслить. Его восприятие может привести его в пещеру, если она имеется, но для постройки простейшего убежища ему необходимо мыслить. Никакие образы и никакие «инстинкты» не скажут ему, как развести огонь, как получить ткань для одежды, как выковать инструменты, как сделать колесо, как построить самолет, как вырезать аппендикс, как изготовить лампочку, электронно-лучевую трубку, циклотрон или коробок спичек. Но его жизнь зависит от этих знаний, а дать ему их может только произвольный акт его сознания, процесс мышления.

Но ответственность человека простирается еще дальше: процесс мышления – не автоматичен, не «инстинктивен», не произволен – и не *безошибочен*. Человек должен запустить его, поддерживать и нести ответственность за его результаты. Он должен выяснить, как отличать правду от лжи и как исправлять свои собственные ошибки; как оценивать свои идеи, свои выводы, свои знания; он должен найти правила мышления, *законы логики*, чтобы управлять своей мыс-

лю. Природа не дает ему никаких автоматических гарантий успеха его мыслительных усилий.

Человеку на земле не дано ничего, кроме возможностей и материала для их реализации. Его возможности – это великолепная машина, его сознание; но это машина без свечи зажигания; этой свечой, стартером и водителем для машины должна стать собственная воля человека; *он* должен понять, как пользоваться этим механизмом, и *он* должен поддерживать его постоянную работу. Материал – это вся Вселенная, бесконечное поле для познания, которое может получить человек, и для радости жизни, которой он может достичь. Но всему, в чем он нуждается и чего он желает, он *сам* должен научиться, он *сам* должен это узнать и сделать – по собственному выбору, собственными стараниями и собственным рассудком.

Существо, которому не дано автоматическое знание о том, что истинно, а что ложно, не может автоматически узнать что верно, а что ошибочно, что для него хорошо, а что плохо. Однако, чтобы жить, ему необходимы эти знания. Оно не может существовать вне законов реальности; человек – особый организм особой природы, которая требует для поддержания его жизни особых действий. Он не может обеспечить себе выживание ни произвольно избранными действиями, ни хаотическими движениями, ни слепыми порывами, ни по случайности или по прихоти. Что требуется для его выживания, определено его природой и не подвласт-

но его выбору. Во власти человека только одно: решить, будет ли он пытаться узнать, что именно ему требуется, выберет ли он нужные цели и *ценности*, или нет. Он свободен сделать неверный выбор, но не свободен достичь при этом успеха. Он свободен бежать от реальности, распылить свое мышление и, слепо спотыкаясь, следовать любой дорогой, какой захочет, но он не сможет избежать бездны, которую он отказывается видеть. Для любого сознательного организма знание – это инструмент выживания; для живого сознания каждое «*есть*» подразумевает «*должно*». Человек может по собственному выбору отказаться от сознания, но реальность не позволит ему избежать наказания за бессознательность – уничтожения. Человек – единственный биологический вид, который способен быть собственным убийцей, – и именно это он проделывал на протяжении большей части своей истории.

Так каковы же правильные цели для человека? Каких ценностей требует его выживание? На этот вопрос должна давать ответ *этика*. И вот *поэтому*, дамы и господа, человек нуждается в этической системе.

Теперь вы сами можете оценить значение учений, который убеждали вас в том, что этика – это сфера иррационального, что разум не может управлять человеческой жизнью, что человеческие цели и ценности должны определяться голосованием или прихотью, что этика не имеет отношения к реальности, к существованию, к практической деятельности

и переживаниям человека, или что цели этики лежат по ту сторону могилы, что этика нужна не живым, а мертвым.

Этика – это *не* мистическая фантазия, не общественный договор и не необязательная, субъективная роскошь, которую можно поменять или совсем отбросить в случае опасности. Этика – это *объективное, метафизическое требование выживания человека*, не по милости сверхъестественных сил, ваших близких или ваших собственных капризов, а по милости реальности и природы жизни.

Еще раз обращаюсь к речи Джона Голта:

«...мышление – акт выбора. Ключом к тому, что вы так бездумно именуете «человеческой природой», является всем известный секрет, с которым вы живете, но боитесь назвать его, тот факт, что человек существо волевого сознания. Разум не работает самопроизвольно, мышление – не механический процесс, логические связи устанавливаются не инстинктом. Работа желудка, легких, сердца самопроизвольна, работа разума – нет. В любой час при любом затруднении вашей жизни вы вольны думать или избегать этого усилия. Но вы не вольны избежать своей природы, того факта, что разум есть орудие выживания, поэтому для вас, людей, вопрос "Быть или не быть" есть вопрос "Думать или не думать"»⁵.

Ценностный стандарт объективистской этики – стандарт, по которому человек оценивает, что хорошо, а что плохо, –

⁵ Рэнд А. Атлант расправил плечи. – Ч. III.

это *человеческая жизнь*, или то, что требуется человеку, чтобы выжить и остаться человеком.

Так как основным инструментом выживания для человека является разум, то добром следует считать то, что подходит для жизни разумного существа; то, что мешает, портит или разрушает его жизнь, следует считать злом.

Так как все, что требуется человеку, он должен найти с помощью собственного разума и сделать собственными силами, то две необходимые составляющие метода выживания разумного существа – это мышление и продуктивная деятельность.

Есть люди, которые решают не думать, но выживают, имитируя и повторяя, подобно дрессированным животным, действия, которым они научились у других; однако и в этом случае верно то, что их выживание возможно исключительно благодаря тем, кто выбрал мысль и нашел те действия, которые другие теперь повторяют за ними. Выживание таких интеллектуальных паразитов зависит от слепого случая; их распыленное сознание не знает, *за кем* повторять, *чьи* движения имитировать безопасно. *Это* люди, которые маршируют прямо в бездну, следуя за разрушителем, который обещает им взять на себя ответственность, от которой они бегут: ответственность сознательного существования.

Есть люди, которые пытаются выжить с помощью грубой силы или мошенничества, путем грабежа, обмана или порабощения тех людей, кто производит что-то сам; однако и в

этом случае верно то, что их выживание возможно исключительно благодаря тем, кто выбрал мысль и производит блага, которые мошенники отбирают у него. Такие грабители – это паразиты, неспособные выжить и существующие за счет уничтожения тех, кто способен, кто действует достойным человека образом.

Люди, которые пытаются выжить не при помощи разума, а при помощи силы, ведут себя как животные. Но если животное не могло бы выжить, если бы действовало как растение, отказавшись от движения и рассчитывая, что почва сама его накормит, то и человек не может выжить, отказавшись от разума и рассчитывая на *людей*-производителей как на добычу для себя. Такие агрессоры на какое-то время могут добиться своего ценой уничтожения – как своих жертв, так и самих себя. В качестве доказательства предлагаю вам взять любого уголовника или любой диктаторский режим.

Человек не может выжить, если будет, подобно животному, действовать, руководствуясь исключительно текущим моментом. Жизнь животного состоит из ряда отдельных циклов, повторяющихся снова и снова, например, цикла размножения или запасаения пищи на зиму; сознание животного не может охватить всю его жизнь; его непрерывность сохраняется лишь на ограниченном временном отрезке, а затем животное должно начинать цикл сначала, безо всякой связи с прошлым. Жизнь *человека* – это неразрывное целое: хорошо это или плохо, но каждый день, каждый год и каждое де-

сятилетие человеческой жизни несет в себе сумму всех предшествующих дней. Человек может изменять свои решения, направление своего движения, во многих случаях он даже волен исправить последствия прошлых поступков, – но он не волен избавиться от них и не волен жить текущим моментом, подобно животному, лоботрясу или разбойнику. Если человек хочет успешно справиться с задачей выживания, если он не хочет, чтобы его действия вели к его же уничтожению, он должен выбрать для себя направление движения, цели и ценности в контексте и в масштабе всей жизни. Это невозможно сделать с помощью чувств, образов, побуждений или «инстинктов»; достичь этого возможно только разумом.

В этом смысл определения: «то, что требуется человеку, чтобы выжить в качестве человека». Это не означает *сиюминутного* или чисто *физического* выживания. Это не означает сиюминутного физического выживания неразумного дикаря, который ждет, пока другой дикарь не раскроит ему череп. Это не означает сиюминутного физического выживания пресмыкающейся совокупности мышц, готовой принять любые условия, подчиниться любому бандиту и отказаться от любых ценностей ради того, что называют «выживанием любой ценой», которое может продолжаться, а может и не продолжаться, неделю или год. «Выживание человека в качестве человека» подразумевает условия, способы, факторы и цели, необходимые для выживания разумного существа на протяжении всего срока его жизни во всех сферах существования,

открытых для его выбора.

Человек не может выжить, не будучи человеком. Он *может* отказаться от своих средств выживания, от своего мышления, он *может* превратить себя в недочеловеческое создание и *может* превратить свою жизнь в короткий период агонии, – подобно тому, как его тело какое-то время может существовать в процессе разрушения болезнью. Но в качестве недочеловека он *не может* достичь успеха ни в чем, кроме недочеловеческого состояния, как было продемонстрировано в отвратительные исторические периоды антирационализма. Человек должен быть человеком по своему сознательному выбору, а научить его жить по-человечески должна этика.

В этике объективизма человеческая жизнь служит ценностным *стандартом*, а *собственная жизнь* каждого индивидуума – его нравственным предназначением.

Разница между «стандартом» и «предназначением» в данном контексте такова: «стандарт» – это абстрактный принцип, которым как мерой или эталоном руководствуется человек, делая свой выбор в процессе исполнения своего конкретного, особого предназначения. «То, что требуется человеку, чтобы выжить в качестве человека», – это абстрактный принцип, применимый к каждому человеческому индивидууму. Реализация принципа для конкретного человека – жить жизнью, достойной разумного существа, – это задача для каждой личности в отдельности, и каждая личность

должна жить своей собственной жизнью.

Человек должен выбирать действия, ценности и цели, руководствуясь стандартом того, что его достойно, – чтобы обрести, сохранить, воплотить и сделать источником радости для себя ту абсолютную ценность, тот конечный результат, который представляет собой его собственная жизнь.

Ценность – это то, на обретение и/или сохранение чего направлена деятельность человека; сами действия, посредством которых он обретает и/или сохраняет ценность, – это его *добродетели*. Три главные ценности объективистской этики, которые в совокупности представляют как средство достижения, так и реализацию конечной ценности человека – его собственной жизни, – это Разум, Предназначение и Самооценка; а три соответствующие им добродетели – это Рациональность, Продуктивность и Гордость.

Продуктивная деятельность – это центральное *предназначение* жизни разумного человека, центральная ценность, которая объединяет и распределяет остальные ценности в иерархическую систему. Разум – это источник, необходимое условие продуктивной деятельности, а гордость – ее результат.

Рациональность – фундаментальная добродетель человека, источник всех прочих его положительных качеств. Главный человеческий грех – источник всех прочих грехов – это акт распыления мышления, остановки работы сознания: это не слепота, а нежелание видеть, не невежество, а нежелание

знать. Иррациональность – это отказ от средств выживания и, следовательно, подчинение процессу слепого разрушения; это выступление против разума и против жизни.

Добродетель *Рациональности* означает осознание и принятие разума как единственного источника знаний, единственного мерила ценностей и единственного руководства к действию. Она означает окончательную преданность человека состоянию полного, сознательного погружения в реальность, поддержанию точного интеллектуального фокуса во всех делах, во всех актах выбора, в каждое мгновение жизни. Она означает максимально полное в пределах человеческих возможностей восприятие реальности и постоянное, активное расширение этих пределов, то есть знаний человека. Она означает верность реальности своего собственного существования, то есть принципу, согласно которому все цели, ценности и действия человека существуют в реальности, и, таким образом, никто не должен ставить какие бы то ни было ценности или принципы выше собственного восприятия реальности. Она означает полное согласие с тем, что основанием, источником, критерием выбора и оценки всех убеждений, ценностей, целей, стремлений и действий человека должен быть процесс мышления – настолько точный и тщательный, управляемый настолько безупречно строгими логическими правилами, насколько это позволяют лучшие способности человека. Она означает принятие человеком ответственности за формирование собственных суждений и за

устройство жизни согласно собственным умозаключениям (добродетель Независимости). Она означает, что никто не должен жертвовать своими убеждениями ради взглядов или желаний других людей (добродетель Верности Себе); что никто никогда не должен пытаться любым способом фальсифицировать реальность (добродетель Честности); и никто не должен сам стремиться к получению и не должен допускать получения другими того, что не заработано и не заслужено, ни в материальной, ни в духовной сфере (добродетель Справедливости). Она означает, что никто не должен рассчитывать на результат, если он не сделал ничего для его достижения, и что никто не должен делать что-либо, не принимая на себя полной ответственности за результат своих действий; что никто никогда не должен вести себя, как зомби, то есть не имея представления о собственных целях и мотивах; что никто не должен принимать решения, делать выводы или стремиться к ценностям вне контекста, то есть не принимая во внимание весь интегрированный набор собственных знаний или вступая с ним в конфликт; и, прежде всего, что никто никогда не должен закрывать глаза на противоречия. Она означает отрицание любых форм *мистицизма*, то есть любых заявлений о существовании каких-то внечувственных, нерациональных, неведомых, сверхъестественных источников знания. Она означает верность разуму не в какие-то отдельные моменты, в каких-то отдельных вопросах или при каких-то особых обстоятельствах, а в качестве един-

ственного способа существования.

Добродетель *Продуктивности* заключается в признании того факта, что человек поддерживает свою жизнь в процессе продуктивного труда, который освобождает его от необходимости приспосабливаться к окружающей среде, что свойственно всем остальным животным, и дает ему возможность приспосабливать окружающую среду к своим нуждам. Продуктивный труд – это путь неограниченных достижений человека, требующий от него проявления лучших качеств характера: творческих способностей, целеустремленности, уверенности в себе, готовности бороться с любыми неудачами и преданности цели преобразования земли по образу своих ценностей. Продуктивный труд – это не бесцельное повторение неких «рабочих» движений. Это сознательное следование продуктивному пути в любой сфере рациональной деятельности, великой или скромной, на любом уровне способностей. Здесь, с точки зрения этики, значение имеет не уровень способностей человека и не масштаб его деятельности, а наиболее полное и целенаправленное использование рассудка.

Добродетель *Гордости* – это признание того, что, «как человек должен создавать материальные ценности, необходимые для поддержания жизни, точно так же ему необходимы такие черты характера, которые делают жизнь достойной того, чтобы ее поддерживать»⁶. Лучше всего описать

⁶ Рэнд А. Атлант расправил плечи. – Ч. III.

добродетель Гордости можно термином «моральная ответственность». Ее смысл заключается в том, что человек должен заслужить право считать себя самого наивысшей ценностью путем достижения морального совершенства, а его можно достичь, если не принимать никаких иррациональных систем морали, следовать которым на практике невозможно, и никогда не изменять системе, в рациональности которой уверен; никогда не вваливать на себя чужую вину и никогда не допускать собственной, а если такое все же случилось, обязательно заглаживать ее; никогда не смиряться пассивно с недостатками собственного характера; никогда не ставить любое сиюминутное переживание, желание, страх или настроение превыше реальности собственной самооценки. И, прежде всего, ее смысл в том, чтобы отказаться от роли жертвенного животного, от любой доктрины, которая объявляет самопожертвование нравственной добродетелью или обязанностью.

Основной *социальный* принцип этики объективизма состоит в том, что жизнь есть самоцель, следовательно, и каждый человек – самоцель, а не средство для достижения каких-то целей или обеспечения благосостояния других, а значит, он должен жить исключительно ради самого себя, не жертвуя собой ради других и другими ради себя. Жить ради самого себя – *значит считать высшей моральной целью достижение собственного счастья.*

В терминах психологии проблема выживания человека

встает перед его сознанием не как вопрос «жизни или смерти», а как вопрос «счастья или страдания». Счастье – это успешное состояние жизни, страдание – это предупредительный сигнал неудачи, гибели. Автоматическим индикатором благополучия или повреждения человеческого тела, барометром, колеблющимся между двумя главными альтернативами – жизнью и смертью, – служит механизм удовольствия/боли; еще один аналогичный барометр, регистрирующий те же самые альтернативные состояния, представлен в сознании человека механизмом, основанным на противопоставлении двух основных эмоций: радости и страдания. Эмоции – это результат автоматизации подсознанием ценностных суждений человека; эмоции указывают, что подкрепляет ценности человека, а что угрожает им, что работает *на* него, а что *против*, осуществляя молниеносный подсчет суммарной выгоды или потери.

Но если ценностный стандарт, на основе которого работает механизм удовольствия/боли, это стандарт автоматический и врожденный, то ценностный стандарт, направляющий эмоциональный барометр, таким *не* является. У человека не может быть автоматически данных ценностей, потому что у него нет автоматически данных знаний; врожденных ценностных стандартов не существует, поскольку не существует врожденных идей.

Человек рождается с эмоциональным механизмом, равно как и с когнитивным; однако при рождении *оба* этих ме-

ханизма представляют собой «*tabula rasa*». Их *содержание* определяется познавательной способностью человека, его разумом. Эмоциональный механизм человека можно уподобить компьютеру, программирование которого должен осуществить разум, – и эти программы построены из ценностей, выбранных разумом.

Но если функционирование человеческого разума осуществляется не автоматически, то его ценности, как и все фундаментальные составляющие человеческой личности, должны быть либо продуктом мышления, либо следствием отказа от него: человек выбирает для себя ценности в ходе сознательного мыслительного процесса – или же принимает их по умолчанию, руководствуясь подсознательными ассоциациями, верой, чьим-нибудь авторитетом, впитывает из социальной среды или просто слепо копирует. Эмоции – следствие первичных установок, которыми руководствуется в жизни человек, – осознанно или неосознанно, открыто или втайне.

Человек не может сознательно управлять способностью чувствовать, что что-то для него хорошо или, наоборот, плохо; но то, *что именно* он считает хорошим или плохим, что вызывает у него радость или боль, что он любит и ненавидит, о чем мечтает и чего боится, зависит от его ценностных стандартов. Если он выбирает для себя иррациональные ценности, его эмоциональный механизм вместо функции охранной системы начинает выполнять функцию раз-

рушителя. Иррациональное невозможно, оно противоречит фактам реальности; факты нельзя изменить по собственному желанию, но они *могут* уничтожить того, кто этого пожелает. Если человек жаждет противоречий и стремится к ним, если он хочет одновременно любоваться пирогом и съесть его, он разрушает собственное сознание; его внутренняя жизнь превращается в гражданскую войну слепых сил, сталкивающихся в темных, неясных, бессмысленных, бесполезных конфликтах. (К слову сказать, именно в таком состоянии пребывает сегодня внутренний мир большинства людей.)

Счастье – состояние сознания, возникающее в результате обретения ценностей. Если человек ценит продуктивный труд, его счастье – мерило успеха его жизненного служения. Но если человек ценит разрушение, как садист, или самоистязание, как мазохист, или жизнь после смерти, как мистик, или бездумную эйфорию, как водитель «крутого» автомобиля, – предполагается, что его счастье измеряется успешностью осуществления задачи саморазрушения. Нужно добавить, что эмоциональное состояние всех этих иррационалистов неправильно называть счастьем, или даже удовольствием: это не более чем секундное облегчение преследующего их хронического ужаса.

Ни жизнь, ни счастье нельзя получить с помощью следования своим иррациональным прихотям. Человек свободен пытаться выжить какими-то случайными способами, напри-

мер, как паразит, как попрошайка или как вор, но не свободен достичь в этом успеха за пределами конкретного момента; аналогичным образом он свободен искать счастье в любом обмане, любом капризе, любой иллюзии, любом бездумном бегстве от реальности, но не свободен ни достичь в этом успеха за пределами текущего момента, ни избежать последствий.

Еще раз процитирую речь Джона Голта:

«Счастье – это успешное состояние жизни, страдание – агент смерти. Счастье есть то состояние сознания, какое проистекает от достижения собственных ценностей человека. Мораль, которая смеет учить вас искать счастье в отречении от своего счастья – ценить недостижение своих ценностей, – это наглое отрицание ее»⁷.

Поддержание жизни и стремление к счастью – это не две разные вещи. Считать собственную жизнь высшей ценностью, а собственное счастье – высшей целью, – это две стороны одного и того же достижения. С экзистенциальной точки зрения деятельность по преследованию рациональных целей – это как раз та деятельность, что необходима для поддержания жизни; с психологической точки зрения ее результатом, вознаграждением и сопутствующим обстоятельством является эмоциональное состояние счастья. Испытывая счастье, человек живет подлинной жизнью, в любой час, любой год

⁷ Рэнд А. Атлант расправил плечи. – Ч. III.

или на всем ее протяжении. А когда человек испытывает такое чистое счастье, которое само по себе может считаться самоцелью, – такое, которое заставляет думать: «Ради *такого* стоит жить», – он приветствует и утверждает в эмоциональном выражении тот метафизический факт, что *жизнь* – это самоцель.

Но отношения между причиной и следствием нельзя перевернуть. Человек может достичь счастья, только принимая «человеческую жизнь» как нечто первичное и преследуя разумные ценности, которых она требует, – а *не* принимая «счастье» как некое неопределенное, первоочередное требование, а затем пытаясь устраивать свою жизнь в соответствии с ним. Если вы достигаете того, что хорошо согласно разумным ценностным стандартам, это само по себе делает вас счастливым; но то, что делает вас счастливым согласно каким-то неясным эмоциональным стандартам, вовсе не обязательно хорошо. Принимать в качестве руководства «все, что делает вас счастливым», означает руководствоваться одними лишь эмоциональными прихотями. Эмоции не являются инструментом познания; руководствоваться прихотями – желаниями, источник, природу и смысл которых вы сами не понимаете, – значит превращать себя в слепого робота, которым управляют неведомые демоны (по вашему молчаливому согласию), робота, застывшее сознание которого бьется в стены реальности, которую он отказывается видеть.

Это заблуждение, всегда свойственное *гедонизму* – любо-

му варианту этического гедонизма, личного или общественного, индивидуального или коллективного. «Счастье» вполне может быть *назначением* этики, но не ее *стандартом*. Смысл этики – в том, чтобы определять правильную систему ценностей для человека и таким образом давать ему средства для достижения счастья. Заявлять, как этические гедонисты, что «верно считать ценным все, что доставляет удовольствие», все равно что заявлять, что «верно считать ценным все, что вам заблагорассудится», а это акт интеллектуального и философского отречения, который лишь провозглашает неважность этики и призывает всех предаваться любому беспределу.

Философы, которые пытались разработать якобы рациональные этические системы, на самом деле не дали человечеству ничего, кроме выбора между прихотями: «эгоистическим» преследованием своих собственных желаний (например, этика Ницше) и «бескорыстным» исполнением желаний других (например, этические системы Бентама, Милля, Конта и всех социальных гедонистов, разница между которыми лишь в том, позволяют ли они человеку включать собственные прихоти в набор миллионов других, или советуют ему превратиться в полностью альтруистическое ничтожество, которое мечтает лишь быть сожранным другими).

Если «желание», независимо от его природы и истока, принимается как нечто этически первичное, и этической целью считается удовлетворение всех и каждого желаний (на-

пример, «максимум счастья для максимума людей»), у людей не остается выбора, кроме как ненавидеть, бояться и сражаться друг с другом, потому что их желания и их интересы обязательно будут противоречить друг другу. Если «желание» – это этический стандарт, тогда желание одного человека что-либо производить и желание другого его ограбить будут иметь равную этическую ценность; так же, как и желание одного человека быть свободным и желание другого сделать из него раба, желание одного завоевать любовь и восхищение своими добродетелями и желание другого получить любовь и восхищение, которых он ничем не заслужил. А если неудача в исполнении *любого* желания считается *жертвой*, тогда человек, у которого украли автомобиль, считается принесшим жертву, равно как и человек, который хочет иметь автомобиль, но никто не обеспечивает его средством передвижения бесплатно, – и две эти жертвы должны иметь равный этический статус. Если так, то единственный выбор, который предоставляется человеку, это украсть или быть обворованным, уничтожить или быть уничтоженным, принести в жертву кого-то ради удовлетворения своих желаний или принести в жертву себя ради удовлетворения желаний других. Тогда единственная этическая альтернатива для человека – быть садистом или мазохистом.

Моральный каннибализм любой гедонистической или альтруистической доктрины заключается в том, что она исходит из того, что счастье одного человека неизбежно тре-

бует страданий другого.

Сегодня большинство людей считают это аксиомой, не требующей доказательств. И когда кто-то говорит о праве человека на существование для самого себя, ради собственных интересов, большинство автоматически считает, что это требует жертв со стороны кого-то другого. Если кто-то подразумевает такое, значит, внутренне он убежден в том, что страдания, порабощение, грабеж или убийство других – в личных интересах человека, хотя вслух он обязательно будет категорически против этого протестовать. Гуманитарным апостолам альтруизма, которые заявляли о том, что мечтают о всеобщем братстве, никогда не приходило в голову, что можно удовлетворять собственные интересы, не принося никого в жертву. А не приходило это в голову ни им, ни кому другому, потому, что идея «разумности» никогда не рассматривалась в контексте «ценностей», «желаний», «личных интересов» и *этики*.

Объективистская этика гордо защищает и провозглашает *рациональный эгоизм*, то есть ценности, необходимые для *человеческого* выживания. Это не те ценности, которые происходят от желаний, эмоций, «стремлений», чувств, капризов или нужд иррациональных дикарей, которые никогда не выйдут из первобытного состояния, никогда не откроют для себя индустриальное общество и никогда не смогут понять иного личного интереса, кроме захвата сиюминутной добычи.

Согласно этике объективизма добро для *человека* не требует его собственных жертв и не может быть достигнуто с помощью чьих-то жертв. Согласно ей, *разумные* человеческие интересы не вступают в противоречие, не может быть конфликта интересов между людьми, которые не стремятся получить то, чего не заслужили, которые ничем не жертвуют и не принимают жертв, которые относятся друг к другу как *партнеры*, обмениваясь чем-то ценным.

Принцип *обмена* – единственный разумный этический принцип для любых человеческих взаимоотношений, личных и общественных, частных и публичных, духовных и материальных. Это *справедливый* принцип.

Человек, участвующий в таких отношениях, заслуживает то, что получает, и никогда не отдает и не берет ничего за даром. Он относится к людям не как к хозяевам и рабам, а как к равным и независимым личностям. Он взаимодействует с окружающими по принципу свободного, добровольного, совершаемого без принуждения обмена, который обе стороны сами считают для себя выгодным. Такой человек не рассчитывает на то, что он может получить что-то просто так, а лишь на справедливую плату за свои достижения. Он не перекладывает на других ответственность за свои неудачи и не расплачивается за неудачи других.

В духовных делах (то есть относящихся к человеческому сознанию) средства обмена иные, но принцип тот же самый. Любовь, дружба, уважение, восхищение – это эмоциональ-

ный отклик одного человека на добродетели другого, духовная *плата* за то удовольствие, которое получает один человек при общении с другим. Только дикарь или альтруист может заявлять, что удовольствие, получаемое благодаря добродетелям другого, — это акт эгоизма, что если человек добивается чего-то в личных интересах и для личного удовольствия, то в случае успеха неважно, с кем он имел дело, с дураком или гением, с героем или с разбойником, с идеальной женщиной или шлюхой. Человек, живущий по принципу справедливого обмена, — это тот, кто стремится, чтобы его любили не за его слабости и недостатки, а лишь за его добродетели, и кто отдает свою любовь не чьим-то недостаткам и слабостям, а лишь добродетелям.

Любить — значит ценить. Только разумно эгоистичный человек, человек, обладающий *самоуважением*, может любить, потому что только у такого человека могут быть твердые, постоянные, неизменные ценности, которым он всегда будет хранить верность. Человек, который не ценит сам себя, не может ценить ничего и никого другого.

Только на основе разумного эгоизма, на основании справедливости, люди могут жить вместе в свободном, мирном, благополучном, добровольном, *рациональном* обществе.

Может ли человек извлекать какую-то личную выгоду из жизни в человеческом обществе? Да, если это действительно *человеческое* общество. Две главные ценности, которые может обрести человек в общественной жизни, это знания

и обмен. Человек – единственный вид, который может расширять и передавать свой багаж знаний из поколения в поколение; объем знаний, потенциально доступных человеку, больше, чем любой человек на протяжении одной своей жизни способен хотя бы начать постигать; каждый человек получает невыразимые преимущества от знаний, полученных другими. Второе огромное преимущество – это разделение труда: оно позволяет человеку прикладывать свои усилия в определенной сфере работы и обмениваться продуктами труда с теми, кто занят в других сферах. Такая форма сотрудничества позволяет всем, кто принимает в ней участие, получить в обмен на собственные усилия существенно больше новых знаний, умений и продуктов труда, чем мог бы получить каждый, если бы ему пришлось самому производить все, в чем он нуждается, на необитаемом острове или ферме, живущей натуральным хозяйством.

Но эти преимущества определяют, какие конкретно представители человечества имеют ценность друг для друга и в каком обществе: только рациональные, продуктивные, независимые граждане в рациональном, продуктивном независимом обществе. Паразиты, попрошайки, воры, дикари и разбойники не имеют для человека никакой ценности; точно так же и он не может получить никаких преимуществ от общества, которое озабочено *их* нуждами, требованиями и защитой, общества, которое будет относиться к нему как к жертвенному животному и наказывать его за добродетели, кото-

рыми он обладает, чтобы вознаградить *их* за их грехи, – то есть в обществе, основанном на этике альтруизма. Для человека не может иметь ценности общество, в котором он должен будет уступить право распоряжаться собственной жизнью.

Основной политический принцип объективистской этики: ни один человек не имеет права *первым* применять грубую силу против других. Никто – ни человек, ни общество, ни правительство – не имеет права брать на себя роль уголовного элемента и использовать по отношению к любому человеку физическое принуждение. Люди имеют право использовать силу *лишь* в качестве противодействия тому, кто применил ее первым. Лежащий в основе этический принцип прост и ясен: это различие между убийством и самозащитой. Вооруженный грабитель стремится завладеть ценностями, богатством путем убийства своей жертвы; жертва не становится богаче, если убивает того, кто пытался ее ограбить. Принцип таков: никто не может завладеть ценностями, принадлежащими другим, применяя физическое насилие.

Единственное достойное, *моральное* предназначение правительства – это защита прав человека, то есть защита его от физического насилия, защита его права на жизнь, на свободу, на владение *имуществом* и на достижение счастья. Без прав на собственность другие права не имеют смысла.

Я не стану пытаться в короткой лекции обсуждать политическую теорию объективизма. Те, кто заинтересуется этим,

могут найти ее полное описание в книге «Атлант расправил плечи». Я скажу лишь, что любая политическая система основана на этической и проистекает из нее, и что объективистская этика – это моральная основа, необходимая для той политико-экономической системы, которая сегодня подвергается во всем мире разрушению именно из-за отсутствия *моральной*, философской защиты и оценки: системы, первоначально возникшей в Америке, *капитализма*. Если эта система исчезнет, она исчезнет по умолчанию, нераскрытая и непонятая: ничто другое никогда не подвергалась сокрытию путем такого количества искажений, извращений и неверных толкований. Сегодня очень мало кто представляет, что такое капитализм, как он работает и какова его реальная история.

Когда я говорю «капитализм», я имею в виду полный, чистый, неконтролируемый капитализм свободного рынка, такой, при котором экономика отделена от государства так же и по тем же причинам, как отделена от государства церковь. Капитализм в чистом виде еще никогда не существовал, даже в Америке; та или иная степень государственного контроля подавляла и извращала его с самого начала. Капитализм – это не система прошлого; это система будущего – если у человечества вообще есть будущее.

Для тех, кто интересуется историей и психологическими причинами предательства философами капитализма, я упомяну, что обсуждала их в заглавной статье своей книги «Для

нового интеллектуала» (For the New Intellectual).

Данная дискуссия должна ограничиться вопросами этики. Я представила здесь только самое важное в моей системе, но этого достаточно для понимания того, что этика объективизма – это мораль жизни, в противоположность трем основным школам этической теории: мистической, социальной и субъективистской, которые привели мир в сегодняшнее состояние и представляют собой мораль смерти.

Эти три школы различаются только по подходу, но не по содержанию. По содержанию все они – не более чем варианты альтруизма, этической теории, которая рассматривает человека как жертвенное животное, которая считает, что у человека нет права существовать ради себя самого, что служение другим – единственное оправдание его существования, и что самопожертвование – высший нравственный долг, добродетель и ценность. Различия проявляются лишь в обсуждении вопроса о том, кем и ради кого можно и нужно жертвовать. Альтруизм считает своей конечной целью и ценностным стандартом *смерть*; поэтому логично, что добродетелями в нем считаются самоотречение и любые другие формы страдания вплоть до саморазрушения. И, согласно логике, только этого и могут достичь и достигают сейчас сторонники альтруизма.

Обратите внимание на то, что все эти три направления этики антижизненны не только по содержанию, но и по методу.

Мистическая теория этики основана на предпосылке, что ценностные стандарты человеческой этики существуют лишь в загробном мире и устанавливаются по законам иного, сверхъестественного измерения; что человек не может практиковать этику, что она не подходит и противоречит земному существованию человека, и что человек виновен в этом и должен страдать на протяжении всего этого существования за то, что он неспособен следовать тому, чему следовать невозможно. Темные и Средние века – экзистенциальный монумент *данной* этической теории.

Социальная теория этики заменяет Бога обществом, и хотя заявляет о том, что ее главная забота – это жизнь на Земле, это не жизнь человека, не жизнь личности, а жизнь абстрактной сущности – *коллектива*, который, по отношению к любому человеку, состоит из всех за исключением его самого. Что касается личности, то *ее* этическая обязанность в данном случае – быть не думающим о себе, безгласным, бесправным рабом для любых потребностей и целей, установленных другими. Девиз «человек человеку волк», который не имеет отношения *ни* к капитализму, *ни* к волкам, вполне подходит к социальной теории этики. Экзистенциальный монумент *этой* теории – нацистская Германия и Советская Россия.

Субъективистская теория этики, строго говоря, вообще не теория, а отрицание этики. Более того: это отрицание реальности, отрицание не только человеческого существования,

а существования *вообще*. Только концепция текучей, пластичной, неопределенной гераклитовой Вселенной позволяет кому-то думать или проповедовать, что человеку не нужны *объективные* принципы действия, что реальность дает ему карт-бланш на любые ценности, что плохим или хорошим может быть все, что он сам выберет, что человеческое желание – вполне достойный моральный стандарт, и что вопрос лишь в том, как выйти сухим из воды. Экзистенциальным монументом *этой* теории является современное состояние нашей культуры.

За ту катастрофу, которая сейчас угрожает уничтожить цивилизованный мир, несет ответственность вовсе не *аморальность* людей, а та *мораль*, следовать которой их призывают. Всю ответственность несут философы-альтруисты. Они должны быть довольны достигнутым «успехом»: люди покоряются им и воплощают в реальность их моральные идеалы.

Именно философия устанавливает человеческие цели и определяет путь; только философия теперь может спасти человечество. Сегодня мир встает перед выбором: если цивилизация хочет выжить, она должна отказаться от альтруистической морали.

Я закончу словами Джона Голта, которые, как и он, я адресую всем сторонникам всем, кто защищал и продолжает защищать альтруистическую мораль:

«Вы использовали страх как оружие и несли

человеку смерть в наказание за отрицание вашей морали. Мы предлагаем ему жизнь в виде награды за принятие нашей»⁸.

⁸ Рэнд А. Атлант расправил плечи. – Ч. III.

2. Здоровый разум против мистицизма и самопожертвования

Натаниэль Бранден

Стандарты умственного здоровья – биологически приемлемого функционирования разума – точно такие же, как и стандарты здоровья физического. Разум может считаться здоровым, пока он обеспечивает человеку контроль над реальностью, который необходим для поддержания жизни.

Главная особенность этого контроля – самооценка. Самооценка – это следствие, выражение и вознаграждение для мозга, полностью подчиненного разуму. Разум – способность, благодаря которой мы можем идентифицировать и интегрировать информацию, поступающую от органов чувств, – основной инструмент выживания для человека. Подчинение разуму – это поддержание полной интеллектуальной сосредоточенности, постоянные процессы понимания и познания, подчинение принципу, согласно которому действия человека должны соответствовать его убеждениям. Это принятие утверждения о том, что никто не должен пытаться создать ложную реальность, ставить какие угодно соображения выше реальности или позволять себе погружаться в противоречия – что никто и никогда не должен пытаться

извратить или подавить истинные функции сознания.

Истинные функции сознания – это восприятие, познание и контроль над деятельностью.

Не ограниченное ничем сознание, сознание цельное и думающее – это *здоровое* сознание. Сознание ограниченное, избегающее проблем, раздираемое конфликтами и противоречащее само себе, сознание, отделенное от реальности или обездвиженное депрессией, – это *нездоровое* сознание. (Более подробно эти вопросы обсуждаются в главе «Объективизм и психология» моей книги «Кто такая Айн Рэнд?» (Who is Ayn Rand?).)

Чтобы успешно взаимодействовать с реальностью и достигать всего, что требуется для жизни, человеку необходима высокая самооценка: ему нужны уверенность в эффективности собственной деятельности и чувство собственной значимости.

Тревога и чувство вины – антиподы высокой самооценки и признаки ментального нездоровья – это разрушители мысли, извратители ценностей и парализаторы действия.

Человек, обладающий самооценкой, выбирает для себя ценности и устанавливает цели, когда он строит долгосрочные планы, которые объединяют и направляют все его действия. Это подобно мосту, перекинутому в будущее, по которому пройдет вся его жизнь; мосту, опирающемуся на твердую уверенность в том, что он способен мыслить, судить и оценивать, что *он* достоин того, чтобы наслаждаться обре-

тенными ценностями.

Это чувство контроля над реальностью не является результатом обладания какими-либо особыми навыками, способностями или знаниями. Оно не зависит от каких-то *конкретных* успехов или неудач. Оно отражает *основу* отношения человека к реальности, его убежденность в собственной *основополагающей* самооценности. Оно отражает уверенность личности в том, что, в сущности, она *пригодна* для реальности. Самооценка – это оценка *метафизическая*.

Именно такое психологическое состояние традиционная мораль делает невозможным для человека, который подчиняется этой морали.

Мистицизм и жертвенная мораль несовместимы с умственным здоровьем и самооценкой. Эти доктрины деструктивны с экзистенциальной и *психологической* точек зрения.

1. Поддержание собственной жизни и достижение адекватной самооценки требует, чтобы человек полностью задействовал свой разум, – в то время как его учат тому, что мораль требует *веры* и покоится на ней.

Вера – это подчинение сознания догматам, которые не могут быть подтверждены на практике или рационально доказаны.

Когда человек отказывается от разума как от стандарта суждения, единственный стандарт, который у него остается, – это его чувства. Мистик – это человек, для которого чувства являются инструментом познания. Вера – это при-

равнивание *чувства* к *знанию*.

Чтобы практиковать «добродетель» веры, человек должен по собственной воле отказаться от собственных взглядов и суждений; он должен по собственной воле жить среди необъяснимого, среди того, что невозможно включить в систему прочих его знаний, и при этом пребывать в состоянии, подобном наркотическому трансу. Он должен по собственной воле подавить критическое отношение к миру и воспринимать его как грех; по собственной воле изгонять из разума любые вопросы, ставящие догматы веры под сомнение, – удушить в себе доверие к разуму, который отчаянно пытается выполнять назначенные ему природой функции защиты человеческой жизни и интеграции познания.

Не забывайте о том, что все человеческие знания обладают иерархической структурой. Основание и начальная точка человеческой мысли – это чувственное восприятие; на этой базе человек формирует первичные идеи, а затем уже выстраивает всю структуру знания, продолжая определять и включать в нее новые идеи на более высоких уровнях. Если мышление человека нормально, этот процесс происходит под руководством *логики*, «искусства непротиворечивой идентификации», – и любая новая идея, возникающая у человека, должна быть встроена в иерархическую структуру его знания так, чтобы не возникало противоречий. *Чтобы внедрить в сознание любую идею, не происходящую из реальности, не оцененную разумом и не поддающуюся разумному*

рассмотрению или суждению, — хуже того: идею, которая не совпадает со структурой остальных идей человека и с его пониманием мира, — необходимо отказаться от объединяющей функции сознания, от комплекса прочих убеждений и уничтожить саму возможность быть в чем-то уверенным. Таков смысл утверждения Джона Голта, героя книги «Атлант расправил плечи», о том, что вера — «это короткое замыкание, уничтожающее разум»⁹.

Нет худшего самообмана, чем вообразить, что можно как-то разграничить в сознании одного человека сферы разума и веры. Веру невозможно ограничить и установить ей предел; стоит уступить в сознании хотя бы на дюйм, и это будет полное поражение. Разум может быть в сознании абсолютом — или не быть; в последнем случае нет такого места, где можно было бы провести черту, нет принципа, по которому она могла бы быть проведена, нет барьера, который не могла бы взять вера, и нет такой сферы жизни, куда она не могла бы проникнуть: человек остается разумным, пока его *чувства* не провозгласят иное.

Вера — это зло, которое ни одна система не может вынести безнаказанно; человек, который поддается вере, будет обращаться к ней именно в тех случаях, где ему более всего требуется разум. Если человек обращается от разума к вере, если он отвергает абсолютизм реальности, то он тем самым отвергает абсолютизм собственного сознания — и его мозг ста-

⁹ Рэнд А. Атлант расправил плечи. — Ч. III.

новится органом, которому больше нельзя доверять. Он становится тем, чем объявляют его мистики: инструментом извращения действительности.

2. Человеческая потребность в самооценке влечет за собой необходимость чувствовать контроль над реальностью – но никакой контроль невозможен во Вселенной, которая содержит в себе что-то сверхъестественное, чудесное и беспричинное, Вселенной, где человек находится во власти призраков и демонов, в которой он должен иметь дело не с *непознанным*, а с *непознаваемым*; никакой контроль невозможен там, где человек предполагает, а призрак располагает; никакой контроль невозможен, если Вселенная – это дом с привидениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.